

А. А. Щербина

●

Заметки о природе и технике иронии

Ирония — понятие весьма емкое. Современные толковые словари в слове «ирония» выделяют обычно два значения: 1) тонкая, скрытая насмешка и 2) стилистическая фигура, фраза или слово, которыми утверждается противоположное тому, что в действительности думают о предмете высказывания.

По-видимому, в этом понятии содержится скорее всего три «смысла», три семантических комплекса разного уровня абстракции. Во-первых, это категория философии (теории познания, этики и эстетики)¹. Во-вторых, это стилистический прием, фигура или троп (на одном уровне с метафорой или метонимией). Такое толкование, представленное и в толковых словарях, характерно для учебных пособий по теории литературы и стилистики. И, наконец, в-третьих, это общее представление об иронии как о своеобразной критической форме выражения мыслей и чувств.

Ирония возникает тогда, когда контекст (ситуация) имеет как бы два смысловых плана: говорится одно, а подразумевается другое. В такой двуплановости и заключается психологическая сущность иронии. Об этом хорошо сказано в упомянутой книге. А. Ф. Лосева и В. П. Шестакова:

«Ирония возникает тогда, когда я, желая сказать «нет», говорю «да», и в то же время это «да» я говорю исключительно для выражения и выявления моего искреннего «нет». Представим себе, что тут есть только первое: я говорю «да», а на самом деле думаю про себя «нет». Естественно, что это будет только обманом, ложью. Сущность же иронии заключается в том, что я, говоря «да», не скрываю своего «нет», а именно выражаю, выявляю его»².

Например: «О политике они (тирольцы. — А. Ш.) ничего не знают, кроме того, что император носит белый мундир и красные штаны... Когда же к ним взобрались патриоты и красноречиво стали внушать им, что теперь у них будет государь в синем мундире и белых штанах, они схватились за ружья, перецеловали жен и детей, спустились с гор и пошли на смерть за белый мундир и любимые старые красные штаны.

¹ На этом предельно абстрактном уровне понятие «ирония» прошло особенно сложный и противоречивый путь развития. Анализ этого развития содержится в книге А. Ф. Лосева и В. П. Шестакова «История эстетических категорий» (М., «Искусство», 1965). См. также статью «Ирония» в «Философской энциклопедии» (т. 2, М., 1962).

² А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. История эстетических категорий, стр. 47.

В сущности ведь все равно, за что умереть, только бы умереть за что-нибудь дорогое...»³

В данных заметках речь идет в основном об иронии как критической форме выражения мысли и чувства.

Следует признать, что и в этом смысле понятие «ирония» достаточно многогранно. Если попытаться хотя бы схематично описать эту многогранность, то можно отметить следующее. Прежде всего в плане восприятия следует различать иронию в устном общении и в письменной речи. С данным разграничением смежно принципиально иное: ирония в жизни, в разных жизненных ситуациях и ирония в художественной литературе, где она включается в сферу эстетических категорий. Далее: ирония в авторской речи и ирония в репликах персонажей; преобразование авторской иронии в иронии персонажа; ирония в публицистике как средство полемики; ирония в ораторском искусстве. Может иметь место градация иронии по тонкости намека, по степени эмоционального напряжения — от добродушной и любовной усмешки до язвительного сарказма и т. д. Эту схему можно детализировать и далее.

В чем основной социальный смысл иронии? Вероятно, прежде всего в том, что это оружие. Оружие интеллектуальное и вместе с тем эмоциональное. В частности, это незаменимое оружие полемики. Ведь ирония и остроумие почти всегда внутренние полемичны, всегда что-то высмеивают, что-то опровергают или отвергают.

Особенность иронии как полемического оружия заключается в том, что, поражая противника, она остается как бы неуязвимой для ответного удара.

Ироническая фраза вызывает у читателя или слушателя чаще всего не явный смех, а едва уловимую улыбку, своеобразный «внутренний» смех. Чем тоньше ирония, тем сдержаннее проявление смеха. Улыбка, порожденная иронией, особенно иронией остроумной, доставляет не меньшее эстетическое удовольствие, чем смех. Наслаждение иронией и остроумием определяется не силой смеха, а непосредственно процессом разгадывания тайного или скрытого смысла. Разгадывание (обычно мгновенное) «обмана» духовно сближает читателя и автора, слушателя и говорящего. Автор, используя тонкую иронию, предполагает в читателе или слушателе проницательного человека, проявляет уважение к его познавательным способностям и эстетическим вкусам.

В психологическом плане очень интересна та форма иронии, обычно остроумной, острие которой направлено против самого автора и которая может быть названа самоиронией. Человек оценивает свои качества, поступки и т. п., как бы глядя на себя со стороны и подтрунивая над своими слабостями:

«В последний момент у шести-семи пассажиров хватило твердости характера решиться и уехать (в Париж через Испанию. — А. Ш.); и я немедленно почувствовал облегчение: я опоздал и мог теперь на досуге пораскинуть умом — ехать мне или не ехать. У меня, судя повсему, громадные запасы ума, — для того, чтобы ими пораскинуть, мне иногда требуется почти неделя»⁴.

В одном из писем Ф. Энгельсу К. Маркс как-то не без горечи иронизировал: «Обратно-пропорциональное отношение плодородия земли к человеческому плодородию должно глубоко смущать такого отца семейства, как я. Тем более, что *mon mariage est plus productif que moi*».

³ Г. Гейне. Путевые картины. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 4, стр. 185. Пронизывая весь отрывок, ирония концентрируется здесь в заключительной фразе, которая вне контекста звучала бы вполне нейтрально.

⁴ Марк Твен. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 1, стр. 103.

industrie (т. е. «мой брак более продуктивен, чем мое ремесло» — *Ред.*)»⁵.

Для осмысления психологической природы иронии небесполезно сопоставить ее с юмором. Интуитивно мы различаем эти понятия, однако определить признак разграничения весьма затруднительно. Сущность как бы ускользает, не схватывается логическими определениями. Существует, например, представление о том, что юмор добродушен и человечен, а ирония язвительна, холодна и бессердечна. Такое представление на уровне бесплодного абстрактного гуманизма едва ли способствует прояснению этих понятий. Ведь все зависит от того, что высмеивается, кем высмеивается и во имя чего высмеивается.

Думается, ближе к истине представление Г. Гейне, отмечавшего «спокойный» характер юмора:

«Я попытался также дать чистый юмор в одном автобиографическом отрывке (в «Путевых картинах». — *А. Ш.*). До сих пор мне удавались только остроумие, ирония, каприз, но никогда — чистый, спокойный юмор»⁶.

Развивая эту идею, можно, вероятно, использовать понятие «темперамент» (разумеется, в сугубо условном смысле). Юмор в этом смысле более выдержан и устойчив, а ирония менее уравновешена и более импульсивна. Кроме того, она «интеллектуальнее», изощреннее юмора по содержанию и форме мысли. Здесь примерно такое же соотношение, как и в понятиях «острота—шутка»: острота обычно иронична, а шутка — стихия юмора.

В плане техники выражения в иронии можно выделить несколько приемов или форм. Прежде всего это простейшие формы иронии. Здесь следует различать иронию и насмешку. В прямой насмешке нет ни иронии, ни остроумия (например: «Эх, ты, разиня!»). В иронической насмешке есть уже элементы маскировки, когда подразумевается нечто противоположное буквальному значению слов, например: «эх ты, герой», «умница!» и т. п.

Простейшие формы иронической насмешки заключены в значениях некоторых слов. Это чисто языковые средства иронии и насмешки. Например: *блиговерный* (в значении «муж»), *персна*, *грамотей* и т. п.

Некоторые из этих слов в прошлом употреблялись нейтрально, в прямом значении, но в связи с социальными сдвигами, изменениями в общественном сознании приобрели иронически-насмешливый смысл. Такого характера, например, слово *благодетель*. Ироническую окраску получают некоторые устаревшие слова, типа «прожект», в частности, слова церковно-славянского происхождения, например: *персѣ*, *лик*, *вкушать*, *сей*, *всуе* и т. п.

Ощутимо ироничны или насмешливы и некоторые фразеологизмы. Например: «из пустого в порожнее», «по милости (кого)», «мы пахали», «после дождика в четверг», «когда рак свиснет», «открыть Америку», «без году неделя», «скатертью дорога», «места не столь отдаленные», «слуга покорный», «кормить завтраками» и т. д.

Ироническая насмешка может проникать и в область произношения слов. Это проявляется в намеренном подчеркивании или искажении звуковой оболочки слова, в имитации и передразнивании различных манер и стилей произношения. Когда произносят, скажем, слово *революционный* с подчеркнутым, усиленным звуком *р* (на письме это обозначается обычно как *рреволюционный*), то тем самым хотят сказать,

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 200.

⁶ Г. Гейне. Письмо М. Мозеру от 14 октября 1826 г. Собрание сочинений, т. 9, стр. 421.

что в действительности это *революционный* в кавычках, псевдореволюционный. Например, В. И. Ленин отмечал, что Ллойд Джордж — «популярный оратор, умеющий говорить какие-угодно, даже ррреволюционные речи перед рабочей аудиторией» (Соч., т. 30, стр. 186).

Ленинское презрение к снобизму с его барски-высокомерным пренебрежением к «темным и тупым» массам звучит, например, в иронически искаженной форме слова *благородно*:

«Всякий здоровый человек поймет это и высмеет, как шутов гороховых, гех, кто вздумал бы «бла-а-родно» и с ученым видом доказывать, что «массы не поймут»...» и т. д. (Соч., т. 35, стр. 361) ⁷.

Нередко ирония и насмешка непосредственно не затрагивают значения или звучания слов, а возникают лишь в результате своеобразного их употребления. Такой характер имеет, например, претенциозное и попросту безграммное словоупотребление в речи соответствующих персонажей литературно-художественных произведений. Оно служит выражением авторской иронии и насмешки.

Например, у А. П. Чехова: «После первой же рюмки всю вашу душу охватывает *обоняние*, этакий мираж...» ⁸ «Такая была девица, что просто всем на удивление. Полнота, *формалистика* в теле и прочее» ⁹.

Или у М. Зощенко: «Если, конечно, посмотреть с *точки зрения*. Вступить, так сказать, на *точку зрения* и отсюда, с *точки зрения*, то да — индустрия конкретно» ¹⁰.

У В. Маяковского: «Товарищ, вы ему не верьте, — это весьма *субъективная личность*» ¹¹.

Особенность такого иронического словоупотребления в его комизме.

Иной характер имеет ироническое подчеркивание слова посредством сталкивания в одном контексте двух или нескольких созвучных слов. Например: «Слушая такое выступление, невольно думается, что слово «оратор» происходит от слова «орать».

В отличие от утснченного заострения стиля, которое, как бы понижая само содержание высказывания, лишь подчеркивает мысль (как в изысканной по словесной форме пословице «Мирская молва — что морская волна»), ироническое заострение слова, кроме того, глубоко полемично в своей основе. Оно не просто подчеркивает мысль, а подчеркивает ее меткость и внутреннюю полемичность. Например: «Вообще нужно отнестись к прошлому более исторически, а у Вас, нередко, место *истории* занимает *истерия*», — иронизировал однажды А. М. Горький в письме к Г. Грековой ¹².

К простейшим формам иронического словоупотребления можно причислить и так называемые стилистические контрасты, когда в одном контексте сталкиваются слова разных и далеких друг от друга стилей и сфер употребления, например: «чело докладчика вспотело».

О стилистических контрастах хорошо сказал Горький:

«Когда в одном и том же стихотворении встречаются столь далекие друг от друга, как нерусское «блик» и очень русское «клоп», я го-

⁷ Ср. слова В. И. Ленина о сотрудниках эсеровской газеты «Революционная Россия», которые горделиво начинают «хорхориться и блаародные слова говорить!» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., г. 7, стр. 338).

⁸ А. П. Чехов. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 5, стр. 212.

⁹ Там же, т. 3, стр. 21.

¹⁰ М. Зощенко. Собрание сочинений в 2-х томах, т. 2, М., «Прибой», стр. 185.

¹¹ В. Маяковский. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. 12, стр. 39.

¹² А. М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 30, стр. 227. Такое словоупотребление свежо с каламбурным. О каламбурах см.: А. А. Щербина. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев, Изд-во АН УССР, 1958.

ворю, что здесь нет стиля, нет единства. На мой взгляд, только ирония позволяет сблизить столь далекое»¹³.

Основное речевое средство иронии и насмешки — интонация. Это «душа» простейших форм иронии. Проникая в высшие ее формы, насмешливая интонация угасает и исчезает.

В простейших формах иронии она заметно отличается от нейтральной и легко улавливается на слух, а в высших — сливается с нейтрально-повествовательной или восклицательной интонацией, и отличить ее от последних, если ирония тщательно замаскирована, невозможно¹⁴. Ирония таится здесь в структуре контекста, в условиях ситуации, в подтексте. Это значит, что «чисто» иронической интонации фактически не существует. Есть насмешливая интонация, которую и называют обычно иронической. Если эта интонация пронизывает замаскированную насмешку, в которой как бы сосуществуют два смысла — буквальный и подразумеваемый, получается ироническая насмешка. Например: «удружил!», «великое спасибо за такую услугу!» и т. п.

Характерные особенности насмешливой интонации — удлинение гласных звуков и более резкие передвижения тона в них (вверх и вниз). На письме она обозначается иногда удвоением соответствующих звуков (хаароош! и т. п.), а также расчленением слова на слоги или даже буквы с помощью дефисов, например: «Говорят — я темой и-н-ди-в-и-д-у-а-л-е-н»¹⁵.

Однако основное графическое средство обозначения насмешливой интонации — иронические кавычки (реже — многоточие). Искусное употребление иронических кавычек — дело не такое уж простое.

За последние 10—15 лет в нашей прессе наблюдается излишнее увлечение кавычками. Об этом в категоричной и, думается, слишком резкой форме было сказано в открытых письмах А. Крона и Г. Успенского под общим заголовком «Кавычки и кабычегоневычки» (см. «Литературную газету» от 16 октября 1965 г.).

Верно, что кавычки могут превращаться, по выражению А. Крона, в «орудие перестраховки», что в них могут сливаться «все виды недоверия: недоверие к читателю, будто бы неспособному понять из контекста истинные намерения автора; недоверие к автору... и, наконец, недоверие автора к самому себе».

И все же надеяться на то, что иронические кавычки «будут скоро истреблены у нас окончательно» (Г. Успенский), по меньшей мере, наивно.

Бесспорно, что иронические кавычки в художественных текстах — обычно лишние и вредные знаки. Они способны убить всякий юмор, и глубоко права Л. Чуковская, которая в книге «В лаборатории редактора» высмеивает редактора-перестраховщика:

«Ведь редактор-чиновник не уважает не только писателя, но и читателя. Он берет в кавычки такие выражения, как «шалльная пуля» или слово «малость» во фразе: «этому образу не хватает самой малости — жизни», опасаясь, что читатель сочтет пулю в самом деле шальной, а жизнь в самом деле малостью...»¹⁶.

«Коварство» иронических кавычек объясняется, кроме всего прочего, их особой смысловой емкостью. Есть кавычки «предупреждающие, разъясняющие, извиняющиеся» (Л. Успенский), намекающие, двусмысленные, кокетничающие, заигрывающие и т. п. Есть и другого рода

¹³ М. Горький. Материалы и исследования, вып. 1, М., 1934, стр. 265.

¹⁴ Мнение это могло бы быть опровергнуто экспериментальными данными, однако таких данных, насколько нам известно, пока нет.

¹⁵ В. Маяковский. Стихотворения. Биб-ка поэта, т. 2, Л., 1951, стр. 44.

¹⁶ Л. Чуковская. В лаборатории редактора. М., «Искусство», стр. 172.

кавычки: добродушно-иронические или, напротив, гневные, презрительные, ядовитые, осуждающие, издевающиеся и т. п. И все это богатство смысловых и эмоциональных оттенков выражается одним-единственным знаком, знаком сугубо контекстуальным, основанным на чутье стилия.

Ясно одно: все смысловое богатство иронических кавычек нельзя сводить к «гражданской робости», как полагает Л. Успенский, или к неопытности и претенциозности автора. Ведь кроме недоверия к сообразительности читателя или робости самого автора здесь действует множество других существенных факторов.

В публицистике, особенно полемической, нередко трудно обойтись без презрительных или гневных кавычек: настолько оскверняется то или иное понятие от соприкосновения с каким-либо отвратительным или фальшивым, кощунственным или лицемерным явлением. Вот характерный пример. Иван Франко писал однажды с горькой иронией:

«Человечество разделено на два слоя: одни те, для которых питье водки было обязательным, звались холопами, или быдлом, и другие, которые в водке, выпиваемой холопами, видели главный источник своего благополучия, они назывались шляхтичами, а иногда также героями свободы, спасителями отечества, мучениками национального дела, или вообще «нацией»¹⁷.

Хотя язвительный сарказм пронизывает весь отрывок, употребить оскверненное в нем понятие *нация* без кавычек Франко, конечно, не мог.

До сих пор речь шла о «чистой» иронии, которая таится в контексте и может проявляться (а может и не проявляться) в насмешливой интонации. Есть еще одна разновидность иронии, которую можно назвать синтетической. Ее своеобразие в том, что в ней ирония концентрируется в некоторых, казалось бы, ничем не примечательных словах. В этих «точках» форма мысли как бы «срачивается» со словесной оболочкой.

Например: «...В трамваях и автобусах — которые, кстати, всегда настолько переполнены, что *даже* мужчинам не хватает сидячих мест, — кондукторами работают женщины»¹⁸.

Ирония здесь — в самой структуре мысли, но непосредственно сосредоточена она в слове «даже».

Особенно язвительной такая ирония становится благодаря союзам, выражающим алогизм (нелепость) смысловых связей между элементами мысли. Издевательская ирония пронизывает, например, многие фразы из романа Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»:

«Старушку судил военный суд и *ввиду* того, что ничего не было доказано, ее отвезли в концентрационный лагерь...»

«Иужник. Вот кто вы, — ответил Швейк. — ...Плюет на пол, *будто* он в трамвае, в поезде или в каком-нибудь общественном месте»¹⁹.

В шуточных пародийных «Каникулярных работах институтки Наденьки Н.» Чехов с помощью неуместных союзов обнажает алогизмы в мышлении институтки, чем и достигается иронический эффект:

«Мужики живут на даче зиму и лето, бьют лошадей, *но* ужасно не чисты, *потому что* закапаны дегтем и не нанимают горничных и швейцаров»²⁰.

¹⁷ И. Франко. Собрание сочинений в 20-ти томах, т. 4, стр. 381 (оригинал на укр. яз.).

¹⁸ М. Ларни. Госпожа советница. — «Иностранная литература», 1960, № 9, стр. 189.

¹⁹ Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка, стр. 138, 163.

²⁰ А. П. Чехов. Сочинения в 12-ти томах, т. 1, стр. 149.

Если эту фразу лишить союзов, то в ней останется некоторая наивность суждения, но авторская ирония исчезнет бесследно.

Комический алогизм сам по себе еще не остроумен. Но характерно, что, насыщаясь авторской иронией, он нередко может быть остроумно использован как полемический прием издевки над беспомощной логикой или жалкими ухищрениями казуистики. Превосходный пример такого использования — известное изречение чеховского персонажа: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» («Письмо к ученому соседу»).

Когда, например, персонаж из пьесы Маяковского «Баня» произносит фразу «Сам я рабочий по убеждениям», в ней легко улавливается остроумная ирония автора над этим демагогом. Ирония сливается здесь с остроумием.

Полное слияние иронии и остроумия образует богатейшую сферу иронического остроумия. Это, можно сказать, высшая сфера комизма, выраженного словом²¹.

Отсылая читателя к указанной в сноске работе, ограничимся здесь анализом нескольких примеров острот, в которых особенно ощутима стихия иронии.

Прежде всего это остроумный иронический намек. Суть его состоит в том, что некоторые элементы, или звенья, мысли как бы уходят в подтекст, и читателю или слушателю предоставляется возможность домысливать то, чего не сказал, что непосредственно в слове не выразил автор. Вот пример блестящего намека, вся соль которого в том, что высказывание выдержано в невозмутимо серьезном тоне, без единой нотки раздражения, а между тем он содержит самый язвительный сарказм:

«О виселице не стоит и говорить: уже иностранцы заметили, к чести нашей страны (т. е. Ирландии. — *А. Ш.*), что мы превосходим все прочие нации в полезном применении этой машины. Вступающие на несраторы вместо того, чтобы развлекать публику приятными речами на месте, обыкновенно заблаговременно выпускают их в свет»²².

Иронический намек может выражаться и в форме двусмысленности. Это, пожалуй, наиболее распространенная его форма. Например, подпишись к шутливой фотографии, на которой изображены яйца и один только что вылупившийся цыпленок («Фотоателье ЛГ»):

«Только вылупился и уже печатаюсь» («Литературная газета», 1967, № 35).

С этой формой смежно ироническое, как бы «буквальное» истолкование тех или иных слов (обычно сочетаний слов):

«Его совесть была чиста: он никогда ею не пользовался» (Станислав Ежи Лец).

Или: «Что значит пользоваться уважением: тебя уважают, и ты этим пользуешься» (Виктор Жемчужников — «Литературная газета», 1966, сентябрь).

В заключение следует отметить, что в художественной литературе сущность того или иного иронического намека может быть понята лишь в связи с осмыслением идейно-образного содержания отрывка (нередко — более широких контекстов), что анализ той или иной иронической фразы, так называемый микроанализ иронии, должен идти дальше простой констатации тех или иных приемов техники иронии.

²¹ О технике комического остроумия см.: А. А. Щербина. Заметки о технике и искусстве комического слова. — «Русская литература», 1966, № 2.

²² Дж. Свифт. Сказка о бочке. М., 1931, стр. 30.

Вот пример «косвенной» иронии из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»:

— «Как вам не стыдно, гражданин Пряхин! — возразила Варвара, в то время еще Лоханкина, размахивая «Известиями». — Ведь это герой. Ведь он сейчас на восемьдесят четвертой параллели!»

— Что еще за параллель такая, — смутно отзывался Митрич. — Может, такой никакой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались.

Митрич говорил сухую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус.

— Да вы поймите, — кипятилась Варвара, поднося к носу камергера газетный лист. — Вот статья. Видите? «Среди торопов и айсбергов».

— Айсберги! — говорил Митрич насмешливо. — Это мы понять можем. Десять лет как жизни нет. Все Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи. Верно Пряхин говорит. Отобрать — и все»²³.

Это — сценка в коммунальной квартире — «Вороньей слободке». В этой квартире жил плярный летчик Севрюгов, потерпевший аварию в поисках иностранной полярной экспедиции. Экспедицию он нашел, затем сам пропал без вести, но вскоре тоже нашелся. А в коммунальной квартире происходит дележ его комнаты.

Суть косвенной иронии состоит в том, что в словах персонажа, обычно отрицательного, читатель улавливает авторскую иронию и насмешку над этим персонажем. Он сам себя разоблачает, не подозревая об этом. Автор его слова не комментирует, т. е. своего отношения прямо не выявляет. Его ирония как бы наслаивается на слова персонажа.

Сфера иронии — богатейшая сфера выражения мыслей и чувств человека. В контексте литературно-художественного произведения, в стиле того или иного писателя ирония становится эстетической категорией и проявляется нередко в сложных и емких формах, с тонкими оттенками смысла и экспрессии. Умение улавливать и осмысливать иронию в связи с идейно-образной структурой контекста, произведения — необходимое условие полноценного литературоведческого анализа стиля. Ознакомление с «материей и формой» иронии, представленное в данных заметках, можно, вероятно, рассматривать как введение в изучение иронического стиля или иронии в стиле литературного произведения.

²³ И. Ильф и Е. Петров. Собрание сочинений в 5-ти томах, т. 2, М., 1961, стр. 151.